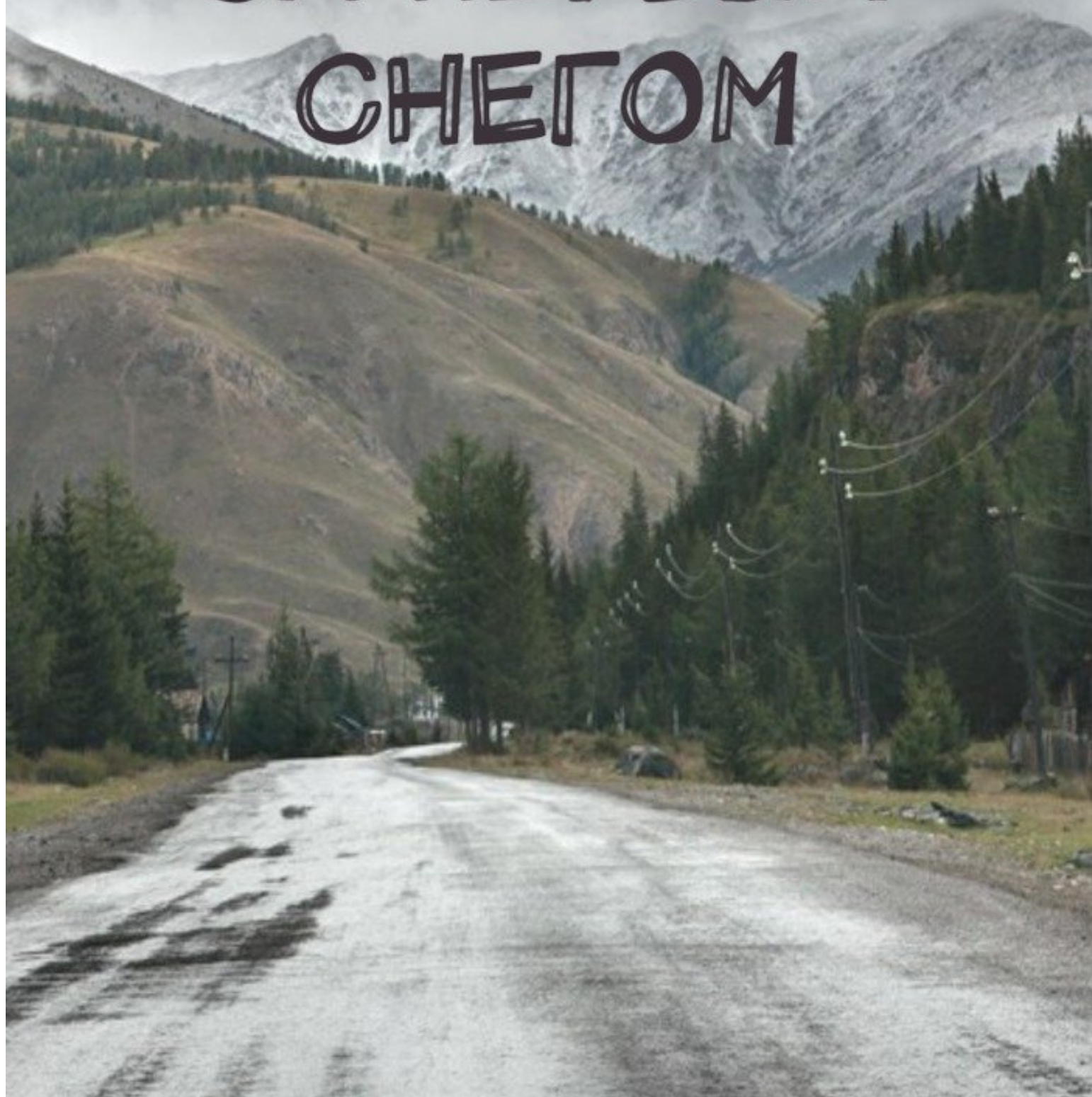

ВЕРХОВСКИЙ РОМАН

ОХОТНИКИ ЗА ПЕРВЫМ СНЕГОМ

Роман Верховский
Охотники за первым снегом

«Издательские решения»

2014

Верховский Р.

Охотники за первым снегом / Р. Верховский — «Издательские решения», 2014

Москву заливают дождями, люди не поднимают глаза с экранов, не выходят из социальных сетей. Трое друзей медийщиков пакуют рюкзаки и отправляются за пол страны в приключение, чтобы открыть горнолыжный сезон на таинственной дикой горе...

© Верховский Р., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

0.	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Охотники за первым снегом

0.

Я предложил Кате М. забыть о том, что она ведущий редактор интернет-журнала, то есть человек с постоянной пропиской в интернете, а вспомнить, что сноуборд – это ее храм, а горы – бог. Она подняла взгляд с экрана лэптопа, фыркнула:

– Ну и где он?

Москва в это время года тонет в соплях, дождях и серостях. Мы забились в угол Казанского вокзала с двумя походными рюкзаками, двумя чехлами со сноубордами и тремя билетами на аэропоезд. Митя опаздывал. Митя опаздывал очень. Регистрация на рейс самолета вот-вот начнется.

К вокзалу подошел поезд до аэропорта, и мы тяжело проследовали на перрон, ожидая, что Митя появится в последний, залетит в вагон, мы обнимемся и засмеемся в эйфории от предчувствия первого снега. Поезд отчалил. Мрачные, мы переглянулись.

– Я бы встретил его на перроне, – говорит во мне отчаянье.

Очередь на регистрацию состоит из четырех человек. Двое из них – это я с Катей М, а двое других – рюкзаки, на которых мы сидим в надежде. Печальная Катя М. отрывается от ноутбука.

– Мы бы не проглядели его. Если только он не забыл лыжи и не полетел босиком. Митин чехол можно вместо солнца использовать.

– Да, когда он валяется в комнате, то мешает мне спать, на самом деле.

Что-то обожгло мое боковое зрение. Гордой и прямой поступью Цезаря Митя приближается к стойке регистрации.

– Что, телефон нельзя включить? – сразу набросилась Катя М.

– Никаких телефонов, никаких интернетов в путешествии!

Катя М. сделала свое классическое «пффф».

– Ладно, мы все-таки в сборе. Это главное, – она захлопнула лэптоп, поднялась.

– Вообще-то нет.

Если описывать все коварство и лукавство Митиной улыбки, то это место прожжет страницы до самой корочки.

Глава 1

1.

– Привет, – я легонько толкаю офис-менеджера. Рыжая девчонка отпружинивает, снимает наушники.

– О, привет. Как ты?

– Тоска. Что делаешь?

– Сериал смотрю, – то ли улыбнулась, то ли оскалилась она.

– Отличный способ провести время на работе, – я похлопал ее по плечу.

После университета, затерянного где-то, и, дай бог, что бы в горах, ребенок солнца оказалась прямоком на этом самом месте и все время была здесь. Что-то вроде утреннего фундамента рабочего офиса. Остальные: классические совы, чей уровень функциональности с утра равен количеству градусов на южном полюсе. Пингвины перемещаются на кухню за кофе, обратно к монитору с мониторингом соц. сетей. Затем мы пьем кофе небольшой группой.

– У кого какие планы на конец месяца? – спрашиваю я, облокотившись на мотивирующий постер у стены и попивая кофе.

– Поболеть, пожалуй, – отвечает меланхолия из своего красного чая с какой-то ужасно пахнущей приправой. Вполне возможно, что это глинтвейн. А вон тот парень вообще только что пришел. Тоже мне отдел.

– Похоже, у тебя есть планы, – замечает кто-то.

– Пользуясь случаем, хочу первый забить себе отпуск. Точная дата затеряна в конце месяца.

Окружающее недоумение ясно дало понять, что середина осени не самое популярное время для отпуска. А сейчас я поддам им:

– Поэтому срок сдачи сдвигается, господа.

Воздух по-особенному качнулся и тяжело уперся в собравшихся. Не моя вина, не моя вина. За работу!

В этой конторе я был недавно и первый раз в жизни главенствовал над проектом. Так решил главнокомандующий.

В офисе он появляется редко. Поэтому, после моего звонка, встреча была назначена в ресторанчике на обед завтрашнего дня. Я очень надеялся, что разговор пойдет о проекте, за который я отвечал головой.

Осень уже прожевала деревья, оставив от них одни веточки. Погода не собиралась расхмуриваться в ближайшее время.

Я с друзьями то и дело поглядывал веб-камеры со склонов. Подъемники стояли над ужасно коричневыми рыхлыми склонами, но это как-то скрашивало то, во что превратилась эта осень.

Я шел в пустую квартиру, и снег шел со мной, как предчувствие.

Слово «казел» в подборке анонимных мнений обо мне, пожалуй, самое популярное. За подиум борются еще два других, но озвучить я не осмелюсь. Ни с одной из моих последних работ сотрудники не добавили меня в друзья на Фэйсбуке. Начальство это ценит. Но однажды, я все-таки спросил: «А если мы начнем встречаться, ты так же будешь ретвитить мои корпоративные твиты?».

Так уж вышло, что впоследствии я сменил агентство на эту чудесную девушку. И жили мы долго и счастливо, но скучно.

Пустота начинается с простых, как ваза, пространств. Цветы заходят только по выходным, потом по праздникам, затем совсем перестают...

И вот, добравшись из прошлого в настоящее, я прихожу с работы в идеально чистую квартиру. Перед своим уходом она убралась так, что ни вещей, ни волос на полу в ванной. Идеальная женщина.

Пустота начинается с простых пространств, а затем захватывает полностью. Не зная что делать, я лег спать, последний раз вдохнув с подушки запах ее духов.

Утром я пошел сдавать анализ в еврейскую клинику к доктору из Грузии. Я прозвал его Равик. Маэстро разорванных отношений и иммигрант.

– Я правильно понял, у вас была случайная связь? – не отрываясь от бумаги, с акцентом спрашивает он.

– Да, – немного подумав, соглашаюсь я, – давайте назовем это так.

В выходные я занят, но уже другой. У меня с ней фрилав, свободные отношения. Где же мы встречались? Какое мое резюме ты прочла? Не то ли, благодаря которому я женился на своей последней?

У меня случаются регулярные измены, честно. В моем возрасте, стране и социальном статусе как-то принято работать на нескольких работах. Иногда одновременно. Правило сложных переменных: всегда есть второй, третий, пятый вариант. В прошлом ноябре меня не отпустили из офиса, и я уволился.

Примерно на эту тему со мной и хотел переговорить мой генерал. Страшный человек.

Сидим в чатах, в разных местах ищем выход наощупь, ладонями по горячим чашкам, пальцами по «что делаешь?» на холодных экранах. Это одиночество в комнатах: музыка каждого города, в ней всего один звук на все тридцать три черно-белые клавиши и две скобки.

– Работаю, – энтер.

«Может по пиву?» Бэкспейс. «Скоро снег». Энтер.

Слово «работа» звучит от Мити вынужденно, так вымученно, что следом намолено. Значит, Митя сидит в мавзолее брака и делает восковую куклу для молодожен. Видео, которое они разместят на своих страницах и получат по сто-двести лайков. На меньшее количество Митя не то, чтобы не делает, просто заказчики, способные оплатить такие ролики, зажаты социокультурными рамками своих личных пиар-проектов.

– Кто беременный? Мальчик-девочка?

– Оба, обе, обои. В субботу в баре?

– Давай.

Российская безысходность рождает голых художников, те прибавляют свою мошонку к красной площади. Попытка осознать тренд означает сдаться. Мы не дети поп-культуры, мы юнцы в тренде. Заложники масс-медиа. Я публикую, значит, я существую. Небольшая разминка – на пятницу назначен плановый утренний секс с психологом. В обычном смысле. Психологам тоже нужно снимать напряжение. В субботу напряжение буду снимать я и, скорее всего, напьюсь с другом в баре.

Такая действительность – тренд преуспевающего медийщика.

Кажется, я стал бояться потерять все это. Так медленно умирает внутри Джек Керуак.

Хоть раз в жизни Митя должен появиться вовремя. И он это делает:

– Помнишь, я рассказывал тебе про парочку, которая путешествует в центральной России? – спрашивает Митя, – так смотри.

Он достает телефон и показывает мне фотографии с Фэйсбука.

Палатка, холмы.

– И что?

– Листай.

Мне открывается гора. Ослепительно красивая, заснеженная, белая гора.

– Как? – выдыхаю я.

– Не знаю...

В темном помещении за кружкой пива Митя спрашивает меня:

– Едем?

И я без промедления отвечаю самое честное «да» в своей жизни.

– Нравятся мне эти дешевые итальянские ресторанчики, – генерал заказывает себе пасту с морепродуктами и салат «Цезарь», бокал дешевого белого сухого вина.

Похоже, его действительно привлекает вся эта эстетика открытого пространства: дерева, столов с белыми скатертями и картинок в стиле Перепикассо, серебряный век интерьерного кубизма.

– Может, еще одну маленькую пиццу возьмем? – спрашивает у меня генерал.

– Только без грибов.

Нет, на обжору он не похож, наоборот, выглядит очень складно в интересных брюках и белой приталенной рубашке навыпуск. Аккуратные стильные часы, замшевые ботиночки – в метро в таких не спускаются.

Он производит приятное впечатление. Всегда. У меня же голова немного побаливает после вчерашнего. Да и глаза, наверняка, красные.

– Я помню, как переманил тебя в свое агентство, – замечает он.

– Вы это к тому, что я беру после проекта отпуск?

– Я это к тому, что ваше поколение – поколение перемен, не привязанное к одному месту. Вы как перекасти поле. Видимо, стабильность вызывает у вас ужас и панику. Но, – он прерывается на вилочку салата, – этот проект очень важен, и ты в нем. Это выход на новый уровень для всего агентства.

– Поэтому все будет закончено раньше срока, а потом я поеду в отпуск.

– Ты еще пригодишься, не думай, что все закончится на детском саду. Проект еще пойдет в школу и только потом будет зрелым. Мы творим интернет эпоху.

– Мне нужно в этот отпуск.

– Да что с ним не так?

– Первый снег. Ну да, ничего не объяснил. В общем, это не просто открытие горнолыжного сезона.

– Ничего страшного, – отмахивается макаронинами генерал, – после сдачи проекта тебя ждет приятное удивление от весьма выросшей заработной платы. Скатаешься в Альпы.

Все это ложь. Мы делаем заурядные вещи и получаем заурядную зарплату.

После сочного обеда и тусклого метро до дома, потом тусклого метро из дома, я очутился в лофте своих знакомых. Они устроили возвращенскую вечеринку. Компашка только прибыла из Австрии. Недовольные, хмурые, без искрящего снега в глазах. Сначала они проповедовали оправдываться, но потом начали признаваться друг другу, что ожидали совершенно другого. Курорт приелся. Снега мало. Вышло глупо. Большую часть времени шел проливной дождь.

– Потусовались и все, – комментируют участники.

– Да и по деньгам вышло дороговато для пьянки.

– Только лыжи поцарапали, – дополняют картину ребята, – открывашки не получилось.

Будем ждать снега в Шерегеше...

В конце вечеринки я шатался по лофту и пытался придумать, что же мне все-таки предпринять с работой. Под косые взгляды одной девочки думалось не очень. Ее прозвали Бани, потому что она катается в шапке с плюшевыми кроличьими ушами. Она приблизилась ко мне, когда я торчал у бара и смешивал себе третий Манхетен.

– Смешаешь мне? – она присаживается за бар.

– Ты даешь мне чувствовать себя нужным.

– Я следила за тобой, – Бани подмигивает, – у тебя неплохо получается.

Без шапки у нее комичное и запутанное каре из темных волос.

– На мой извращенный вкус, – я крошу лед ножом, рассыпаю по мартышкам на ножке, выливаю содержимое шейкера, естественно, часть проливаю на стойку.

– Откуда такие навыки? – Бани делает маленький глоточек, удивленные брови поднимаются вверх, – очень вкусно.

– Был определенный опыт, – я чокаюсь с ней.

– А ты опытный кролик, – она подмигивает мне.

– А ты уже заигрываешь со мной? Тебе очень идет этот изящный бокал с терпким напитком.

– Что тебя беспокоит, кролик?

– Это так заметно? Не знаю, Бани. Мне предложили повышение, но во мне все еще то чувство.

– Что ты занимаешься не тем?

– В яблочко.

Она улыбается:

– Ты просто не хочешь взрослеть, кролик.

– Почему ты меня так называешь?

– Я часто так называю тех, кто мне нравится.

Утро будит меня телефонным звонком, я выползаю из-под своих простыней.

– Шалом, – сонно отвечаю Кате М.

– Кое-что случилось. Я могу приехать?

2.

Добиралась она вечность, хотя моя квартира не так уж и далеко от центра. За Садовым, конечно, зато рядом есть парк, в котором я так и не был. Прогулять бы там с Катей М, – мечтаю я.

– Сильно болеешь?

– Сильно, – признался честно, – нужно перестать пользоваться алкоголем. И .

– БОЛЬШЕ РАБОТАТЬ – произнесли хором.

– Тише, тише, не так громко.

Катя М приехала с очередного интервью с каким-то модным модником. Она работала на несколько крупных западных блогов и иногда на известный интернет– журнал. Назовем его «Фыр-фыр». Именно так и выглядит икона эпохи – успешная, маневренная девушка с маленьким ноутбуком в стильной пуленепробиваемой сумочке.

– Что у тебя стряслось? – я прекратил ее рассматривать.

Катя М заерзала на месте, прихлебнула чай.

– А есть что-нибудь покрепче? О, виски!

Она поднялась, взяла с барной полки односолодовый, нашла себе бокал с толстым дном.

– Андрей, мне кажется, хотя, наверное, не кажется, то есть без «наверное» и без «кажется». Так же не бывает? Это чувствуется, это есть. Не какая-то неопределенность, – она замялась, сделала еще глоток, – странно, не действует... я влюбилась.

Кант режет склон, после небольшого дропа я врезаюсь в свежий, только выпавший, мягкий снег, перемещаю вес на заднюю ногу, и доска мягко выныривает из пухляка. Время останавливается, снег замирает в воздухе, отражая выглянувшее солнце.

– Он главный редактор журнала «Фыр-фыра» (что бы в твоей повести не было рекламы). А еще он предложил стать редактором раздела об арте. Сам понимаешь, вовсе не потому, что мы нравимся друг другу.

– Если здесь и есть камни, то под очень большим слоем снега. – я вдруг увидел ее маленькой девочкой – растерянным и несчастным ребенком, – то есть на открывашку сезона ты не поедешь?

– Дурак!

После рефлексивного рабочего дня я брожу с Катей М по пятиэтажному музею современного искусства. Она фотографирует понравившиеся работы на камеру, а я фотографирую ее на телефон и выкладываю черно-белые снимки в свой Инстаграм.

– Подожди, встань вот здесь и смотри вдаль.

Митя тут же комментирует фото: “Ракурс – дрянь”.

Времена навсегда изменились. Теперь, просыпаясь после крутейшей вечеринки, мы открываем свои записи в Твитере и краснеем за орфографические ошибки. Следом идет Инстаграм: пьяные лица на фотографиях друзей и пьяные друзья на своих фотографиях. Космический мусор. Поп-эфир.

Уже на улице Катя М разгоняется на длинный монолог:

– Знаешь, – говорит она, – я часто встречаю людей, которые говорят, что ничего не понимают в искусстве. Но как можно понимать? Не важно, знаешь ты художника или нет, или не можешь отличить импрессионизм от экспрессионизма. Искусство – это область не знания, а чувства. И те, кто не чувствуют, возможно, они мертвы? Ведь как можно не понять, что ты чувствуешь. Значит, не чувствуешь вовсе, но мы здесь, что бы чувствовать. Только почему меня это так пугает?

Лирическая пауза

У художника не существует личного пространства, убранство бункера выглядит как разрисованный черным маркером разворот модного журнала с красивой моделью на обложке. Он не коллекционирует кошек: для теплоты ему достаточно бороды; борды и лыжи стоят вдоль стены, а рядом – зимней заснеженной кучей – улеглись большие штаны на разноцветные куртки. К ним можно пройти вдоль горной гряды из ботинок с белыми разводами соли. На кухне чисто, как будто на ней никто никогда не готовил ничего серьезней, чем кофе. Траверсируем к софе у мониторов, угадайте, что на обоях? Везде лежат камеры, вспышки; ружья для охоты или винтовки в чехлах под столом, но скорее всего штативы. Время поймано на картины. С ними разговаривают шепотом, фотошопом, полным пакетом Adobe к плоской реальности, если уж на то пошло. Изображение в пространстве оттаивает только с первым снегом на склонах,

вещи приходят в движение, просыпается жизнь.

– Не могу уже, честно, – изнывает Митя, он сидит на кухне с ноутбуком на коленях.

Я смотрю, как он вытягивает свет на видео. Можно сказать, что монтаж почти закончен, а можно и не сказать.

– А олени были?

– Нет, обошлись фейерверками. В другом смысле, конечно, были. В студии хороший материал получился.

– О, карлик!

– Это ребенок.

– Уродливый.

– Не говори.

Какие бы тривиальные и однотипные свадебные ролики не снимал Митя, он оставался настоящим художником в зимнем видео. Зимой обычно пропадал по горнолыжным курортам и соревнованиям, очень привязался к парочке Про и смонтировал небольшой фильм из материала прошлой зимы. Получилось неплохо.

Но для этого сезона Митя приготовил кое-что особенное. Даже для себя самого.

Я пихаю его в бок.

– Я думаю, через пять дней нужно вылетать.

Митя кивает и я продолжаю, —

– Сюжет расскажешь?

– Неа, не расскажу.

3.

В Москве зарядили дожди. Теперь абсолютно все захотели зиму.

Катя М наслаждалась новыми отношениями и работой, а Митя готовил какой-то материал и постоянно пропадал на съемках. Я же занимался своей работой. Квартира начала обрабатываться чешуйками а4. Готовил тексты, медиапланы и прочее...

С момента назначения примерной даты отъезда моя мотивация получила удар электрошока. Я разговаривал больше чем с десятью людьми в день, опаздывал, устраивал, создавал. Суммарный чек выпитого кофе составил заработную плату небольшой плантации. График функции моих перемещений на карте метро выдавал эпилептический припадок. И я был похож на Одиссея, который возвращается домой.

За усердие я даже получил похвалу от Генерала. По телефону. Смской. Куда любопытней вышло сообщение от Бани на Фэйсбуке. Она прислала фотографию какого-то хмурого, едва напоминающего меня человека у барной стойки в лофте, смешивающего коктейль в хромированный шейкер.

«Твоя ксерокопия»)» – подписала она ее.

» Точно»)» – улыбнулся я.

«Что делаешь?»

» Дома сижу... но планирую выбраться прямо сейчас, если ты уже оделась».

» Я на работе, почти закончила. Дай мне тридцать минут».

Как утверждает приложение, между нами три станции метро. Я подъеду.

Мы сели в небольшом сетевом ресторанчике итальянской кухни. И не смотря на то, что к подобным местам у меня начала расти легкая неприязнь, его близость к станции метро во время дождя сыграла. В расстоянии между мной и Бани было все: и легкая неловкость, и то, что мы давно не ходили на свидания, и мой скорый отъезд. Тем не менее, мы сложили щиты и сели по одну сторону стола, рядом друг с другом.

– Работа, – развела руками она, – знаешь, хочется все бросить и уехать куда-нибудь заблудиться на Гоа.

Я усмехнулся.

– Ты не сможешь там долго.

– Почему же?

– Не настолько устала. Подожди немного, скоро начнется сезон.

И под сезоном я, конечно, имел в виду снег.

Бани отличалась от той, которую я видел раньше. Она была уставшей, городской, с небольшим мейк-апом и уложенной прической прямо на деловой костюм. Я ясно увидел, что в каждом из нас – двое, и между ними мы делим жизнь на две разных. Вот только какая из них настоящая?

Бани притянула меня за руку и поцеловала.

В этом городе, под проливным дождем за стенами, в сетевом ресторане я ничего не почувствовал.

Я вспоминаю, как еще совсем недавно на съемных квартирах у гор мы выбирались из спальников и тяжелые утренние перемещались на кухню. Плотно подкрепившись, мечтали о крепком кофе из Старбакса или чего-нибудь такого же сетевого. Как натягивали термобелье, на него амуницию из легкой брони. Застегивались, закреплялись, зашнуровывались и, наконец, выходили с досками и лыжами наперевес под снег.

Как грузились в такси и уезжали к только проснувшимся подъемникам, чтобы самыми первыми замять свежий и вкусный пухляк.

Включил музыку, но музыка не заиграла, и это было знаком. Я собрался и вышел на улицу под морозящий вечерний дождь. Надень «бордическую» куртку – не промок бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.